

Глава 7

Услышав «просьбу» Гу Чжи, Цао Цао не выказал особого удивления.

За полмесяца совместного пути он уже привык к его периодическим «обоснованным» требованиям.

— Хочет клетку — пусть будет так.

Демонтировать окно и вставить несколько деревянных брусьев — дело нехитрое.

Спокойствие, с которым отец воспринял эту просьбу, поставило в тупик Цао Ана.

За короткое время в душе юноши накопилось множество вопросов. Видя невозмутимость родителя, он не выдержал:

— Отец, каковы твои истинные намерения в отношении этого командира Гу?

Если ты собираешься доверить ему важный пост, то зачем держать его в клетке, словно преступника?

А если видишь в нём разбойника, то зачем «приглашать» в свою резиденцию? Не проще ли было отправить его в темницу при поместье под надзор личной стражи?

Цао Цао вместо ответа задал встречный вопрос:

— Ты сегодня весь день провёл с Гу Чжи. Что скажешь о нём?

Сын понял вопрос как «каково твоё мнение о Гу Чжи» и, немного подумав, осторожно подобрал слова:

— Он показался мне весьма проницательным, но при этом раскованным в поступках... и даже немного странным.

Юноша выразился крайне деликатно.

Под «немного странным» подразумевалось «вот же чудаки».

Цао Ан слово в слово пересказал отцу рассуждения собеседника о том, как выбирать «полезных людей».

Хозяин дома терпеливо выслушал, скрывая блеск в глазах.

— В его словах есть истина.

— Неужели отец и вправду решил его испытать?

— Я лишь действую по обстоятельствам, — уклонился от прямого ответа Цао Цао и медленно поведал о происхождении Гу Чжи, его способностях и поступках в пути.

Закончив рассказ, он посмотрел на изумлённого сына и добавил с глубоким смыслом:

— Этот человек непоследователен, он что-то скрывает, а его слова и поступки невозможно предугадать...

Таких людей он обычно старался не нанимать.

— Однако он обладает выдающимся боевым искусством и острым умом...

Одним словом: в его нынешнем положении выбирать не приходилось.

Он только начал свой путь: ни денег, ни людей, ни земель. Кроме личной стражи и семьи, у него была лишь тысяча новобранцев, и не было никакой уверенности, что в следующем месяце его дело не «обанкротится».

Несмотря на все проблемы, связанные с Гу Чжи, он был единственным «высококласным специалистом», которого можно было попытаться заполучить.

— Раз он добровольно стал пленником, значит, у него есть цель, — заключил Цао Цао. — А раз есть цель, то как бы он себя ни вёл, однажды его замысел раскроется.

Наличие цели — не всегда плохо.

Людам с амбициями он доверял больше, чем тем, у кого не было никаких желаний.

— В древности Тай-гун удил рыбу на прямой крючок. Если я долго не смогу найти подходящую наживку, то последую его примеру и позволю Гу Чжи самому насадиться на крючок.

Сейчас у него не было ничего, кроме терпения.

— Найди плотника, пусть переделает окно. А потом устрой семейный ужин, пригласи Гу Чжи

выпить с нами.

— Слушаюсь.

Цао Ан повиновался.

Он был уверен, что гость откажется от приглашения.

Воспоминание о том, как Гу Чжи не позволил ему открыть дверь кареты для перевозки заключённых, было слишком свежим. К тому же, его просьба «превратить гостевую комнату в тюрьму» убедила юношу в том, что тот питает особую страсть к «роли заключённого». Участие в пире явно не соответствовало логике пленника, а значит, он должен был отказаться.

Но, к удивлению Цао Ана, Гу Чжи согласился.

Не просто согласился, а сделал это с лёгкостью.

Словно только этого и ждал.

Почему-то Цао Ану вспомнились слова, брошенные Сяхоу Дунем на прощание.

— Просто кормите вовремя, — сказал тогда генерал. — Главное — корми вовремя.

Лицо юноши приобрело странное выражение.

«...Не может же быть?»

Какими бы ни были причины согласия, Цао Ану оставалось лишь отбросить догадки и проводить гостя в главный зал.

Цао Цао устроил частный ужин. Кроме него самого и Гу Чжи, за столом сидели только Сяхоу Дунь и Цао Ан.

Лишь второй сын Цао Цао, А Ни, одиноко стоял в углу зала, теребя пальцы и терзаясь сомнениями.

Хозяин дома, словно не замечая его, жестом пригласил Гу Чжи занять своё место.

Взглянув на отведённое ему место, Гу Чжи был удивлён.

Во времена династии Хань на пирах хозяин сидел во главе стола, лицом на восток, а почётным считалось место по левую руку от него.

И Цао Цао... усадил его и Сяхоу Дуня по левую руку от себя.

Более того, в позиции, обращённой на юг, была расстелена лишь одна длинная циновка, что означало — ему придётся сидеть на ней вместе с Сяхоу Дунем.

Сидеть на одной циновке могли либо люди равного статуса, либо близкие друзья.

Гу Чжи мысленно подпёр подбородок.

Но что ещё важнее — в ту эпоху разрыв отношений между людьми нередко выражался в разрезании циновки.

Зная отношение к нему Сяхоу Дуня...

Неужели сейчас тот внезапно вскочит и разыграет перед ним сцену с разрезанием циновки?

Гу Чжи ждал, что военачальник, одержимый духом Гуань Нина, вот-вот явит ему это представление, и перевёл взгляд на уже сидевшего соседа.

Он ждал довольно долго, но тот так и не выхватил нож.

Наоборот, его промедление заставило генерала обернуться.

Сяхоу Дунь вскинул брови с ноткой вызова:

— Что, командир Гу не решается сесть рядом со мной?

— Разумеется, не решаюсь, — с лёгкостью подхватил Гу Чжи. — Боюсь, гостеприимство генерала Сяхоу окажется столь велико, что он непременно захочет отдать мне и свою порцию.

«...Вот же злопамятный юнец», — мысленно выругался военачальник.

Он хотел было что-то ответить, но Гу Чжи уже проворно сел на своё место.

Словно бросил фразу невзначай.

Теперь Сяхоу Дуню было неудобно продолжать эту тему.

Он почувствовал лёгкое раздражение, но, вспомнив свою шутку у городских ворот, счёл себя виноватым и больше не стал язвить в адрес гостя.

Вошедший последним Цао Ан сел на третье по значимости место напротив, без тени обиды или досады на лице.

Он заметил на себе чей-то пристальный взгляд и увидел в углу своего брата, у которого, казалось, дёргался глаз.

А Ни из рода Цао отчаянно подмигивал ему, всем своим видом выказывая беспокойство.

Поняв, что мальчик хочет сбежать, юноша отвёл взгляд и незаметно посмотрел в сторону отца.

Цао Цао, будто ничего не видя, приказал слугам подавать яства, которые расставили на четырёх лаковых столиках.

Гу Чжи немного успокоился.

К счастью.

Цао Цао лишь усадил его на почётное место, но не стал разыгрывать церемонию подношения циновки, описанную в «Книге ритуалов».

Представив, как Цао Цао двумя руками подносит ему циновку и лично поправляет её, Гу Чжи скривил губы и отогнал эту странную картину.

Хозяин дома в реальности, хоть и не подносил ему циновку, но поднял в его сторону чашу с вином.

Согласно этикету, после того как хозяин поднимет тост, гость должен немедленно ответить тем же.

Но Гу Чжи пить не хотел.

— Прошу простить, генерал, но я не пью вина.

Рядом раздался многозначительный смешок. Даже не поворачивая головы, можно было догадаться, какое выражение сейчас на лице у Сяхоу Дуня.

Гу Чжи не обратил на него внимания и, посмотрев на Цао Цао, спросил:

— ...Может, мне сесть за детский стол?

Тот не понял его шутки. Рука с чашей на мгновение замерла в воздухе.

— Командир, будьте как дома.

С этими словами Цао Цао в одиночестве осушил чашу и приказал слугам принести для гостя похлёбку.

После трёх тостов была подана и похлёбка.

Только тогда отец взглянул на замершего в углу А Ни и подозвал его.

Мальчик подошёл к столику родителя и, опустив голову, уставился на узор на краю циновки, выходя на редкость послушным.

Он стоял лицом к местам Сяхоу Дуня и Гу Чжи, но ни на кого не смотрел. Тихо и быстро он произнёс:

— Сегодня А Ни вёл себя неподобающе, обидел командира. Я чувствую свою вину и хочу поднять за командира чашу, заменив вино водой.

Сказав это, он налил в пустую чашу немного воды, взял её двумя руками, подбежал к столику Гу Чжи, поднял голову и залпом выпил.

Закончив, А Ни, всё ещё держа чашу, соединил рукава и глубоко поклонился.

Гу Чжи думал, что слова об «извинениях» были лишь формальностью, но Цао Цао действительно заставил своего шестилетнего сына извиниться.

И это при том, что ребёнок не добился своего.

Пленнику вдруг стало невыносимо скучно.

Он молча налил себе чашу воды и выпил в ответ, тем самым закрыв тему.

Цао Цао, не зная его мыслей, после их «примирения» велел А Ни покинуть зал.

Мальчик тихо согласился и понуро повернулся.

Сидевший по другую сторону Цао Ан, который всё видел, но молчал, вздохнул.

Он незаметно поманил брата и, когда тот проходил мимо, сунул ему в руку спрятанный в рукаве деревянный кинжал.

А Ни, похожий на увядший цветок, словно обрёл второе дыхание. Он сразу повеселел и лёгкой походкой покинул зал.

Цао Цао заметил их тайные манёвры и произнёс, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Балуешь его.

— Я обещал ему раньше, — объяснил сын.

Неизвестно, поверил ли Цао Цао его словам, но больше он к этому вопросу не возвращался.

После основного блюда хозяин снова поднял тост.

После трёх тостов Гу Чжи съел три ложки мясного супа.

Цао Цао это видел, но ничего не сказал. Зато Сяхоу Дунь снова бросил на него неопиcуемый взгляд.

Пристальное внимание соседа было настолько ощутимым, что самая обычная похлёбка в миске показалась немного вкуснее.

«Верно говорят, даже самая невкусная еда, если есть её в одиночестве, доставляет толику удовольствия»

Гу Чжи мысленно усмехнулся и помешал ложкой в миске, поднимая белёсую пену.

Он опустил глаза, глядя на волны, и разделил их ложкой надвое.

Пора бы уже и раскрыть карты.

Озвучить истинные намерения Цао Цао.

И действительно, после очередного тоста тот вдруг провёл рукой по лицу и тяжело вздохнул.

В этот момент Гу Чжи с громким хлопанием втянул в себя фрикадельку.

Цао Цао, собиравшийся перейти к делу:

— ...

Сяхоу Дунь дёрнул уголком рта. Он хотел было бросить на нарушителя тишины осуждающий взгляд, но не смог сдержать улыбку и, прикрыв лицо, отвернулся.

На этот раз осуждающий взгляд бросил Цао Цао, но адресован он был генералу, который должен был ему подыграть.

Даже Цао Ан, не так хорошо знавший гостя, понял, что тот сделал это нарочно.

По мнению юноши, поведение Гу Чжи, хоть и не соответствовало этикету знатных родов, было вполне осмысленным. Он не был невеждой в вопросах приличий.

Этот, в каком-то смысле невежливый, грубый поступок был не столько проявлением неуважения к хозяину, сколько предупреждением.

Он не хотел смотреть этот спектакль.

И это сработало. Хотя Цао Цао и был слегка раздосадован, он отказался от завуалированных намёков и перешёл прямо к делу.

— Эти места пустынные, находятся близ старой столицы. Войска Дун Чжо могут вернуться в любой момент. Если он пошлёт сюда людей для грабежа, этот полуразрушенный город не выдержит натиска железной кавалерии Силян.

Гу Чжи, опустив глаза, безучастно помешивал похлёбку в миске.

Сидевший напротив Цао Ан не выдержал и тихо, но настойчиво позвал:

— Господин.

Гость бросил ложку. Деревянная ручка погрузилась в суп, подняв в миске настоящую бурю.

— Если генерал так обеспокоен, зачем было выбирать это место для стоянки?

Цао Цао с серьёзным лицом ответил:

— Потому что Цао некуда больше идти.

Несколько капель похлёбки брызнули на стол. Слуга хотел было подойти и вытереть, но Гу Чжи остановил его.

Он посмотрел на собеседника и указал на свежее пятно на столе.

— Некуда идти? Неужели генерал пришёл сюда не... ради похлёбки, которая может пролиться?

Цао Цао, изображавший уныние, не изменился в лице, но в его глазах появился острый блеск.

— О какой похлёбке речь, господин? Вы, должно быть, что-то путаете.

Это был первый раз, когда Цао Цао назвал Гу Чжи «господином».

Цао Ан заметил это и понял — «похлёбка», о которой они говорили, была не той, что стояла на столе, а имела иной, скрытый смысл.

Поразмыслив, он догадался, о чём примерно идёт речь, но не мог понять, что именно имелось в виду.

Юноша инстинктивно посмотрел на Сяхоу Дуня, но военачальник едва заметно покачал головой.

Уезд Вэнь

В то же время за стенами уезда Вэнь.

Отряд всадников пронёсся мимо.

— Благодетель, впереди уезд Вэнь.

Мечник слегка замедлил коня и повернулся к юноше рядом.

Тусклый лунный свет озарил мягкие, утончённые черты его лица.

Сюнь Юй слегка кивнул, его ясные глаза внезапно обратились на север.

Куда ни глянь, виднелись лишь тени деревьев, колеблемые ночным ветром. Ни души.

Но Вэньжо не отводил взгляда. Его светло-карие глаза, казалось, стали ещё глубже в лунном свете.

Пока он медлил, подъехал ещё один всадник.

— Вэньжо, ты только оправился от простуды, может, отдохнёшь?

Юноша отвёл взгляд. Его голос был мягким и скромным.

— Благодарю вас, дядя, я в порядке. Уезд Вэнь уже близко, а ночь становится всё темнее. Во избежание неприятностей, лучше поскорее въехать в город.

Мужчина, которого называли дядей, ещё раз взглянул на племянника. Увидев, что тот хоть и бледен, но в ясном уме, немного успокоился.

— Раз так, то поторопимся.

Отряд продолжил путь. Прежде чем покинуть эту дорогу, Сюнь Юй ещё раз обернулся и окинул взглядом тихие, бескрайние леса.

— ...

Просвистел порыв ветра.

Стук копыт затих вдали, пыль осела, всадники исчезли в конце дороги.

Лес остался таким же тихим и таинственным.

В том самом укромном месте, куда смотрел юноша, на мгновение мелькнул уголок тёмно-красного платка — так быстро, что это могло показаться обманом зрения.